

СОЦИОЛОГИЯ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

ОТКРЫТОСТЬ БУДУЩЕГО: МОДЕРНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ. ИНТЕРВЬЮ С ПИТЕРОМ ВАГНЕРОМ

М.Х.: Как бы Вы описали свою академическую принадлежность? Вы философ, социолог, специалист по политическим наукам или же по социальным наукам вообще?

П.В.: Если отвечать кратко, не знаю, и я всегда надеялся, что это не имеет большого значения. Я никогда не изучал социологию, то есть ту дисциплину, по которой я большую часть времени занимал университетские должности. Будучи школьником, я намеревался изучать философию, считая эту дисциплину самой глубокой для понимания нашего мира. К тому времени, когда я должен был принять решение, я выбрал изучение экономики. К этому меня побудили, по крайней мере частично, аргументы о значении материальных оснований общественной жизни.

Видя, как экономика преподавалась в университетах, я вскоре расширил мои занятия, начав изучать политическую науку и языки. В своих исследованиях позднее я вернулся к философским вопросам и всегда сохранял интерес к истории, который приобрел благодаря краткому знакомству с историческим материализмом. Но большинство из тех, кто занимается упомянутыми выше дисциплинами, не сочли бы мою работу принадлежащей к своему полю исследований и не приняли бы меня в свои ряды, как это делают социологи. Это показывает, что социология, со всеми своими недостатками, является таким полем исследований, которое, по крайней мере, толерантно относится к вниманию к общим (*comprehensive*) проблемам, которые в других сферах фрагментированы, разделенные дисциплинарными границами и чрезмерной специализацией. Социология все еще может дать нам сегодня хоть какое-то прибежище, хотя и в ней сильно стремление к тому, чтобы превратиться в так называемую более точную дисциплину.

М.Х.: То, что Вы делаете — это для Вас призвание или профессия? Или это одно и то же?

П.В.: Я не богат и должен зарабатывать на жизнь. И большая удача, что я могу это делать, занимаясь тем, что мне нравится. Я не думаю, что я «призван» кем-то делать то, что я делаю, и потому некоторые коннотации термина «призвание» ко мне не подходят. Однако мне бы хотелось видеть, что я делаю что-то такое, что важно не только для меня (или для моего заработка), но и имеет значение — по крайней мере, потенциально, — и в более широком контексте. Среди многих вещей, от которых страдает наш современный мир, есть недостаток общего (*common*) самопонимания, отсутствие блага, и, по крайней мере отчасти, общей (*shared*) интерпретации ситуации, в которой мы, люди, обнаруживаем себя — безмирность (*wordlessness*), как назвала этот недостаток Ханна Арендт. И социальные науки, если, конечно, их правильно понимают, несмотря на все трудности, вполне могут быть источником и ресурсом для преодоления такой безмирности — в науке через отыскание новых элементов для общей интерпретации мира, в преподавании — посредством передачи ощущения важности риска безмирности и средств противодействия ей.

М.Х.: Какой была Ваша мотивация при выборе социальных и политических наук (или социологии), а не чего-то другого?

П.В.: Недостатки других жанров — такие как тенденции к абстрактности и пустоте в философии, включая и многое в современной политической философии; к инструментальному рассуждению в экономике; к «реализму» и тем самым к недостатку интереса к человеческому воображению в политической науке; к некоей разновидности эмпиризма в историографии, а именно, к тому, чтобы считать архивные материалы господствующим источником доказательства. Все эти тенденции присутствуют и в социологии, а в некоторых ее разделах они даже доминируют. Но, как я уже сказал, здесь немного больше пространства для движения, и так случилось, что моя работа движется в сторону именно этого пространства. Поэтому на самом деле здесь вообще не было какого-то «выбора».

М.Х.: Кого бы Вы назвали своими учителями и своими образцами для подражания в социальных науках? Каким было их влияние на Вас?

П.В.: Когда меня много лет назад попросили назвать одного-единственного значительного ученого, я выбрал Макса Вебера, чья работа до сих пор остается замечательной в своем сочетании всеобъемлющего масштаба и открытости с детальностью концептуальной рефлексии и социально-исторического анализа. А когда меня, молодого исследователя, спросили, какого рода работе я бы стремился подражать, я упомянул Клауса Оффе, не потому, что согласен с ним в содержательном плане, но потому, что он вносит свой вклад в постановку диагноза нашего времени, соединяя средства рефлексии с эмпирическим анализом. Некоторые читатели видят в моих работах влияние традиции Франкфуртской школы. Это может быть верно с точки зрения связывания чего-то вроде критической теории с социально-историческим

анализом, но меня никогда не убеждали те особенные интерпретации нашего мира, которые дали вначале Адорно и Хоркхаймер, а потом Юрген Хабермас; и я никогда, в отличие от целого направления немецких ученых, специально не изучал писания Франкфуртской школы. Все это относится к моей «ранней деятельности» — начиная с 1990-х гг. для того, что я делал, имелись довольно ясные точки отсчета. Среди них я бы подчеркнул: связь между историко-компаративной социологией и социальной теорией, которую можно обнаружить у Йохана Арнасона, Майкла Манна, Уильяма Сьюелла и некоторых других авторов; моральная и политическая социология, созданная в Париже Люком Болтански, Лораном Тевено и прочими; те исследования, которые, вдохновляясь лингвистическим поворотом, сохраняют интерес к масштабным социальным трансформациям, и — тема, к которой мы еще вернемся — к связи между философией и социологией модерности. Даже хотя у меня и не было какого-то учителя в полном смысле этого термина, мне бы хотелось упомянуть Бьорна Виттрока, директора Шведского Коллегиума Высших Исследований (Swedish Collegium for Advanced Study) как того, кто не только всегда поддерживал меня, но и всей своей деятельностью демонстрировал возможность того, что я хотел бы делать.

М.Х.: Не могли бы Вы описать для наших читателей развитие Вашей карьеры?

П.В.: После изучения экономики, политической науки и романских языков в Гамбурге, Лондоне и Берлине, и после некоторого опыта занятий журналистикой я получил вначале работу в области управления научными исследованиями — в отсутствие других возможностей. Работа эта оказалась более удачной, чем казалось вначале: Майнолф Диркес, тогдашний президент Берлинского *Wissenschaftszentrum (WZB)*, Института проблемно-ориентированных исследований в социальных науках, поверил в мои исследования и позволил мне уклониться от некоторых моих обязанностей для того, чтобы иметь возможность развивать свои собственные научные интересы. На много лет *WZB* оставался моей базой, и я мог предпринимать исследовательские поездки в США, Швецию и Францию, пока не перешел в университет Уорвик в Британии и не стал преподавать социологию и социальную теорию, которые являются одной из специализаций Уорвика. Оттуда я уехал в Институт Европейского Университета (*EUR*), университета постдипломного образования в социальных науках, и — вместе с Централно-Европейским Университетом в Будапеште — вплоть до сегодняшнего дня, по всей видимости, единственного действительно европейского университета, в том смысле, что и студенты, и преподаватели приезжают сюда со всей Европы. Срок пребывания в ИЕУ ограничен, и, по его завершении, я хотел остаться в Италии и потому перешел в Университет Тренто, тоже немного необычный институт, поскольку он является более динамичным и открытым к международной среде, нежели большинство других итальянских университетов.

М.Х.: Вы широко известны сегодня в качестве социолога модерности. Ваши книги «Социология модерности» и «Теоретизируя модер-

ность» переведены на многие европейские языки и действительно популярны в академических кругах. Как Вы пришли к этому предмету? Другими словами, почему именно модерность?

П.В.: Проектом моего докторского исследования был историко-компаративный анализ истории социальных наук во Франции, Италии и Германии, сосредоточенный на политическом контексте интеллектуальных движений, позднее опубликованный на немецком языке под названием «Социальные науки и государство». Его рабочим подзаголовком, отвергнутым, вероятно, из-за того, что он звучал для издателя слишком напыщенно, был «Конституция социологического дискурса модерности». Меня интересовало разнообразие способов, посредством которых социальные науки обеспечивали (фрагменты) самопонимания наших современных обществ, а также исторические трансформации таких интерпретационных усилий. Даже хотя я тогда еще не мог бы говорить о «разнообразиях модерности», это исследование предполагало идею о том, что так называемые современные (*modern*) общества существуют в плюральности форм, и что различия между ними можно анализировать через интерпретативное самопонимание этих обществ. Иначе говоря, использование слова «модерность» в моих работах, как сказали бы вдохновленные Фуко ученые, проистекает из интереса к «истории настоящего» в современных обществах, а также к их историческому превращению в то, чем они являются ныне. В то же время здесь предполагается, что эти общества являются такими, каковы они сегодня, лишь случайным образом, и что они вполне могли бы быть и могут стать иными. «Социология модерности» позднее пыталась связать анализ интерпретативных трансформаций с трансформациями институциональными; «Теоретизируя модерность» имела своей целью выяснить условия плюральности и возможности, а «Модерность как опыт и интерпретация» вновь соединяет разнообразие интерпретаций с историческим опытом.

М.Х.: Ваши работы во многом посвящены плюрализации и истории модерности. Считаете ли Вы возможным говорить не только о китайской или индийской, но и об исламской модерности? Согласны ли Вы с теми, кто считает исламизм и исламский фундаментализм и/или терроризм реакцией традиционалистских обществ на условия модерности?

П.В.: Благодаря программе исследований «множественных модерностей», инициированной Шмуелем Айзенштадтом и разработанной далее многими учеными, возможность говорить о китайской или индийской модерностях сегодня кажется прочно установленной, даже хотя идея о лежащих в их основе «культурных программах» и содержит в себе довольно пристрастное отношение к «классическим» цивилизациям, которое для меня весьма проблематично. Здесь уже сам по себе значим тот факт, что ислам — или арабский мир, что, конечно, не одно и то же, хотя часто и считается таковым — широко обсуждается с самых различных точек зрения. Можно предположить, что старая идея «модернизации» не была еще в достаточной степени переосмыслена: ведь именно потому, что имелся ориен-

тированный на мировой рынок значительный экономический рост в Японии, затем в Китае, а теперь и в Индии, западные ученые стали вдруг рассматривать эти общества как современные (*modern*), или, по крайней мере, склонные к модерности. И наоборот: социально-экономические перемены в арабском мире, очевидно, труднее распознаваемы или постижимы для западных наблюдателей, и потому здесь возникли сомнения о возможности модерности.

Конечно, исламизм работает с такими вещами, как исламский закон или правила, касающиеся одежды, которые отсылают нас к давним традициям соответствующих обществ. Но ведь те общества, в которых силен фундаментализм, очень трудно классифицировать как общества традиционные — а не подвергаемые сомнению традиции вовсе не являются руководством для деятелей фундаментализма, многие из которых обладают значительным уровнем образования и часто опытом контакта с несколькими культурами. За десятилетия перед революцией 1979 г. Иран, например, был значительно трансформирован и, казалось, вполне можно было говорить о нем как о модернизирующемся обществе — о чем вдруг забыли во времена успеха Хомейни. Проблема состоит в том, чтобы избежать упрощенной дихотомии традиции и модерности, с точки зрения как аналитической, так и нормативной. Если ключевой чертой модерности является автономия — выход из добровольной (*self-incurred*) незрелости (Кант), то следует признать, что фундаменталистские группы осуществляют радикальный выбор, порывают с привычками простого «продолжения» (*going on*) и потому являются весьма современными (*modern*).

Позвольте привести один исторический пример. Иногда подъем нацизма в Веймарской Германии интерпретировали как традиционалистское отвержение модерности, ссылаясь на использование мифических персонажей при конструировании «германскости» и на кажущееся примордиальное понимание связей между членами народа. Ни одно серьезное историческое исследование более не придерживается такого взгляда на сохранившиеся традиции и их возрождение при столкновении с «модерностью». Скорее здесь подчеркиваются следующие явления: активное конструирование нацистами нового самопонимания коллективности; новый характер массово-политической мобилизации, инициированный рабочими движениями и имитированный национал-социалистами, а также такие непосредственно предшествующие нацизму события, как Первая мировая война, условия Версальского Договора, депрессия 1929 г., а также их интерпретация в спорах внутри Германии и др. Во всем этом мы обнаруживаем действие (*agency*), изменение, интерпретацию, но почти не обнаруживаем непосредственной детерминации со стороны «традиции». Так же и сегодня нужно стремиться к серьезному компаративному анализу социального действия и социального изменения, а не возрождать упрощенный образ отказа от модерности в некоторых не-западных обществах.

М.Х.: Некоторые из Ваших статей посвящены критике разделения социальной и политической сфер, а также различным проблемам демо-

кратической теории. Как связаны эти два вопроса друг с другом и с проблемами социологии модерности?

П.В.: Со времен демократических революций (для Европы образцовым примером здесь была Французская революция) социальные науки развивались как ответ на новый вопрос — может ли быть устойчивым общество, конституированное «договором» между свободными индивидами — как в теории общественного договора, только конкретизированном теперь как собственно конституция — или, точнее: что еще требуется для того, чтобы сделать его устойчивым. Начиная с этого момента о «социальном» стали мыслить как об основе «политического», и утвердительно, как у Дюркгейма, и критически, антагонистически, как у Маркса, если упомянуть только сторонников двух ключевых теорий. Но поиск социального ответа на политические вопросы склонен не замечать собственно политических проблем: вопросы об основаниях и границах политики, о гражданстве, участии и репрезентации, об отношении между индивидуальной свободой и коллективной автономией. Недавнее возрождение политической философии вернуло все эти вопросы в интеллектуальную повестку дня, но теперь «социальное» имеет склонность к опустошению в связи с провозглашением эпохи мнимой индивидуализации и глобализации, в которой, как утверждается, социальные связи стали весьма слабыми. По нашему мнению, — я говорю «нашему», поскольку это имеет отношение к работе, которую я делаю вместе с Натали Карагианнис, — действительно важный вопрос заключается в том, каким образом конфигурация социальных отношений влияет на решение политического вопроса, если не предполагать при этом ни того, что социальное определяет политическое, ни того, что политическое от социального автономно.

М.Х.: Сегодня в западных академических кругах широко обсуждаются многие проблемы, связанные с вопросами мультикультурализма и плюрализма. Одним из вопросов здесь является проблема того вызова, который представляет собой мультикультурализм для демократии. Некоторые исследователи, например, опасаются, что условия мультикультурализма постепенно приведут к фрагментации общества, что уничтожит ту социетальную культуру, которая необходима для любой жизнеспособной демократии. Считаете ли Вы, что эти ученые правы? Какой ответ дает Ваша теория *синагонизма*?

П.В.: Этот вопрос дает мне возможность более конкретно осветить проблему, рассмотренную выше. Выражаясь провокационно, западная политическая теория строилась — иногда явным, а часто скрытым образом — на предположении монокультурализма, и лучше всего это видно в культурно-лингвистической теории политики, которую главным образом немецкоязычные авторы, например, знаменитый Готфрид Гердер, предлагали в качестве ответа на культурно нейтральную республиканскую программу Французской революции. С тех пор идея о том, что политику должны образовывать говорящие на одном языке люди, влияла на многое в европейской политике во время борьбы за так называемое национальное объединение, как в Италии и Германии, или за национальное освобождение, как в Греции, Финлян-

дии или Ирландии. Важно то, что возникло смешение двух, вообще говоря, отдельных вопросов: утверждение, что граждане демократической политики должны быть способны общаться друг с другом по поводу общих вопросов, было объединено с вопросом о политической необходимости глубокого соучастия в приверженности одним и тем же ценностям, что происходит якобы только в глубоко укорененной «национальной культуре». На самом же деле многие европейские общества создали ту или иную степень культурного единства (*coherence*) на протяжении девятнадцатого и двадцатого веков посредством строительства национальных институтов, а вовсе не воздвигли эти институты на основании единства уже существовавшего. Недавно это единство было ослаблено двойным натиском растущих «внутренних» требований личной автономии и иммиграцией, и спор о мультикультурализме заново открыл этот вопрос с концептуальной точки зрения. Как это часто бывает, проблема здесь заключается в том, чтобы избежать слишком легких решений. Мультикультурализм подчас склонен слишком легко сбрасывать со счетов необходимость «социальных» — в этом случае «культурных» — предпосылок для осуществления коллективной автономии, то есть демократии. С другой стороны, то мнение, что для современных политий необходима высокая степень культурного единства, является консерватизмом нового толка, который, к сожалению, слишком распространен сегодня. В Европе многие интеллектуалы, включая и бывших радикалов, склонны полагать, что связь между относительно либеральной демократией и социальной солидарностью, созданной на протяжении послевоенных десятилетий, требовала идентичности народа как источника суверенитета, и нации, и что нужно быть очень осторожным, рискуя достижениями этой эры. По нашему мнению, действительно, существуют некоторые предпосылки для демократии, из которых самыми важными являются способность общения среди граждан и наличие некоторого понимания общего блага. Вместе с тем, первое вовсе не требует единого языка. На самом деле, необходимость перевода вполне может открывать более широкие горизонты для коммуникации. А последнее не требует глубоко укорененного общего наследия. Общее благо не извлекается из давно ушедшего прошлого, но само является объектом политической коммуникации. Политика утверждается лучше всего, если граждане стремятся к ней и соперничают по ее поводу, определяя свое общее благо и его достигая — и именно это мы называем синагонизмом.

М.Х.: В России сегодня одной из популярных идей является идея *суверенной демократии*, которая подчас понимается как идея о культурно и национально отличной парадигме демократии. Считаете ли Вы, что имеет смысл говорить о национальных вариантах демократии? Если прав такого рода анти-космополитизм (или национализм), то не рискует ли он размыванием границ между тем, чем демократия является и тем, чем она никогда быть не может?

П.В.: Конечно, существуют разновидности демократии. основополагающая приверженность модерности автономии оставляет отношение между индивидуальной автономией (свободой от принуждения, или свободой от

господства) и коллективной автономией (демократией) довольно широко открытым для интерпретации. И современная политическая теория не дала здесь одного-единственного ответа, несмотря на утверждения обратного, время от времени появляющиеся у столь разных авторов, как Талкотт Парсонс, Джон Роулз и Юрген Хабермас. Если говорить более конкретно, мне кажется очевидным, что, например, Швеция, Франция и США являются такими либерально-демократическими политиями, между которыми политическая теория не может провести претендующих на общее согласие нормативных различий. С другой стороны, эти политии весьма отличаются друг от друга в таких важных аспектах, как законы гражданства, правила репрезентации, формы организованной социальной солидарности. Таким образом, они представляют собой различные формы демократии с равной претензией на «модерность». То есть в принципе нет оснований считать, что невозможно и российская разновидность демократии с какими-то своими особенностями. До сих пор, однако, этот ответ оставляет открытыми два важных аспекта: аспект суверенитета и аспект нормативной оценки.

Что касается первого, принцип государственного суверенитета до сих пор является руководящим принципом международных отношений, пусть даже он и дополняется все более насыщенным международным правом, которое уже не регулирует одно только межгосударственное действие, но все более затрагивает также и внутренние вопросы государств, в настоящее время часто во имя прав человека и демократии как универсальных ценностей. В той мере, насколько такое развитие указывает на глобальное принятие идеи личной и коллективной автономии, оно, конечно, является желательным. Проблема состоит в том, что подчас эти ценности, главным образом со стороны «Запада», понимаются так, как если бы они совершенно и недвусмысленно определяли то, как должна выглядеть и действовать полития, что подрывает возможность демократического разнообразия и возможность для суверенных коллективностей придать своим политиям свою собственную особенную форму. Чтобы избежать ложной мысли о том, что я, быть может, слишком строг к некоторым западным подходам, позвольте привести яркий пример: европейские государства благосостояния (*welfare states*) (все еще) соединяют обязательные коллективные институты социального страхования — а также образования — с довольно высокими налогами. Наблюдатели из США иногда интерпретируют как такое налогообложение, так и обязательность этих институтов как ограничение личных свобод. Я не вижу возможности какого-то общего теоретического аргумента, чтобы вынести решение по этому вопросу, хотя и имею свое собственное суждение. Такие вопросы должны быть оставлены политическим спорам и борьбе внутри данной политии, и внешнее вмешательство не может основываться на каком-либо высшем соображении. В самом деле, отдавая должное космополитизму, разнообразие политий представляется глобальным благом, как с точки зрения возможного нормативного соревнования между ними, так и в перспективе проверки устойчивости их развития. В этом смысле, например, скандинавские государства благосостояния часто служили в качестве содер-

жательного аргумента для тех, чьей целью было расширение приверженности солидарности в своих странах.

Значит ли это, что нет пределов такому разнообразию и что нет вообще никакого критерия для суждения? Нет, не значит — даже хотя теоретическое решение здесь и затруднительно, большинство случаев на практике не вызывает сомнений. В стране, где журналисты, ведущие свои расследования, рискуют быть убитыми, а расследование таких убийств далеко не ведет, явно существует проблема с господствующей здесь интерпретацией демократии. Что-то похожее верно, однако, и для страны, где глава правительства контролирует большинство средств коммуникации. Но говорить об этом вовсе не означает, что мы незаконно вмешиваемся во внутренние дела.

М.Х.: Сегодня довольно часто говорят о том, что престиж и влияние социологии постепенно уменьшаются. Согласны ли Вы с тем, что такой процесс действительно имеет место? Если это так, то каковы главные причины такого состояния дел? Различается ли место социологии в обществе в различных странах?

П.В.: В целом я согласен с этим, и даже хотя ситуация и различается от страны к стране, имеются некоторые общие причины для такого упадка. До конца 1960-х гг. структурный функционализм и сопутствующая ему теория модернизации давали объективистскую картину общества, которая основывалась на идее сильных связей между людьми, гарантирующих слаженность и стабильность социополитического порядка. Концептуальные элементы в разных подходах были разными, но всегда имелась некоторая комбинация объяснения, основанного на интересе, идентичности или институтах, которая подчеркивала структуру и общественный класс, систему и функцию, культуру и нацию, а также соответственно процедуру, закон и государство. «Общества» выглядели достаточно стабильными и слаженными, так что их анализ не представлял собой какой-то слишком сложной концептуальной или эмпирической проблемы. Начиная с 1970-х, однако, были накоплены эмпирические данные о столь разных предметах, как индивидуальная идентичность и самость (*selfhood*), формы политического участия, технологии и организационные формы производства, что это подорвало образ в целом стабильного хорошо-упорядоченного общества, доминировавший в социологии 1950-х и ранних 1960-х гг. Параллельно этому, обоснованная бесспорная критика поставила под сомнение многие традиционные категории социологии. В некоторых направлениях этих споров явной мишенью для критики стало постулирование «коллективных концептов» (Макс Вебер) без достаточного исследования тех социальных явлений, на которые они указывали. Поэтому стало гораздо труднее обоснованно говорить о «классе», «нации» и «обществе» без доказательства того, что такие коллективы на самом деле существуют, даже не говоря о том, что они определяют собой другие социальные явления или же являются их причиной. Сколь бы необходимой и желанной ни была такая концептуальная критика, она создает проблему для социологии как дисциплины, которая во многом — хотя и не во всем — строилась на таких коллективных концептах.

М.Х.: Как бы Вы могли описать нынешнее положение дел в академическом сообществе социологов?

П.В.: Первым впечатлением любого наблюдателя извне должна быть высокая степень специализации, и даже фрагментации на многочисленные содержательные, методологические и теоретические специальности, между которыми очень мало сообщения и обмена. Такое положение сложилось довольно давно — Макс Хоркхаймер отмечал что-то подобное в общественных науках начала 1930-х гг., но это расщепление с тех пор даже усилилось. Под этой фрагментацией, можно, однако, обнаружить контуры нового образа социального мира. Критика коллективных концептов возвестила приход идей о возросшей «индивидуальности» и тенденциях к «индивидуализации» в современной общественной жизни. В центре интереса социологов теперь возникновение и утверждение индивида как существа без предопределенных сильных связей с коллективностями или же внутри них. Под влиянием параллельных споров о «глобализации» возник социологический образ современного мира, в котором не существует социальных явлений, стоящих между отдельным человеком, с одной стороны, и структурами глобального порядка, с другой. Сопутствующее усиление индивидуалистической атомистской онтологии, яснее всего выраженной в теориях рационального выбора, затрудняет даже саму мысль о социальных явлениях как о чем-то отличном от конгломерата индивидуальных действий. Представление о глобализации как о непреодолимом и неконтролируемом движении, что выражено и в метафоре «поклонения» (*juggernaut*) Энтони Гидденса, теряет из виду ее характер человеческого произведения, то есть ее подверженность новым интерпретациям и изменению. А перемещение идеи радикального изменения с коллективности и ее истории к отдельному человеку и его «просто жизни» (*bare life*) (Джоржио Агамбен) завершает собой новый образ мира, в котором общественные отношения могут иметь глобальное распространение, но являются столь разреженными (*thin*) и эфемерными, что люди современной модерности (*contemporary modern human being*) считаются реализующими свою жизнь в социальном контексте, который они не могут представить как свой собственный.

Эта возникающая ныне образность представляет собой значительную проблему для любой реализации социологии. Она ссылается на наблюдаемые трансформации, но так их концептуализирует, что преувеличивает их нынешнюю силу и считает их будущее продолжение неизбежным. Здесь важно то, что нынешний образ имеет дело с конечными точками общественной жизни, земным шаром и человеческим телом, и таким образом отмечает в своей концептуализации любое структурированное существование «социального». Исторически социология всегда отказывалась принимать какую-либо подобную образность. Она настаивала на разработанном ею понимании социального как того, что существует в пространстве между (*in-between*) отдельными людьми, предшествует их интерпретации мира и само поддается новым интерпретациям. Верно, что для какого-то периода и для некоторых авторов концепт «общества» означал, что такое «социальное» имело

вечную форму — или же обрело свою прочную форму в «современном (*modern*) обществе». Это было ошибкой, которую социология начала осознавать. Теперь ей необходимо взяться за свою историческую программу анализа и понимания главных трансформаций социального и сделать это в отношении нынешних подобных трансформаций, не принимая идеологический пред-рассудок о том, что трансформации эти означают конец этой программы.

М.Х.: Как бы Вы описали ту роль, которую играют в современном мире общественные и гуманитарные науки? Имеют ли они какое-либо практическое значение? Какое?

П.В.: В противоположность широко распространенному мнению, я думаю, что эти дисциплины имеют большое значение в современном мире, и, к сожалению, не всегда позитивное. Упомянутая выше образность является созданием гуманитарных и общественных наук, широко распространившимся в публичных спорах и оказывающим воздействие на то, как видят мир многочисленные акторы. Но здесь можно также думать и о противоречащем ему образе, который принесла с собой идея «столкновения цивилизаций». Как только она была выражена в мире, она показалась правдоподобной и также получила распространение, поскольку была представлена в качестве научного аргумента, вне зависимости от ее адекватности с концептуальной или эмпирической точки зрения. Некоторых ученых искушает возможность апеллировать к широкой публике, и для того, чтобы сделать это, они слишком легко переходят границы того, что можно назвать хорошим основанием. Это, однако, только одна сторона проблемы. С другой стороны, многие состоявшиеся ученые (*institutional academics*) удаляются в область своих специализаций и отказываются от попытки сказать что-то такое, что имело бы более широкое отношение к современным проблемам. Как результат, они оставляют интерпретацию нашего мира интеллектуалам средств массовой информации.

М.Х.: Кроме написания великих (*great*) книг, каковы другие Ваши интересы?

П.В.: В настоящее время у меня очень мало времени для книг, как великих, так и малых. Миры творятся человеческой интеракцией, и Натали и я вполне довольны тем, чтобы попытаться сделать это с нашими детьми, Ариадной и Астерисом.

М.Х. Хотелось бы пожелать Вам с Натали в этом успеха и счастья. Но — последний, традиционный, вопрос — каковы Ваши планы на будущее?

П.В.: Говоря о науке, две идеи нуждаются в дальнейшей разработке: более концептуальная работа над синагонизмом и его пониманием свободы, с одной стороны, и, с другой, большее распространение анализа траекторий модерности за пределы европейских, или «западных» условий. Иначе не слишком полной будет жизнь в одном из тех регионов, где Европа стала самодовольной и слишком уж удовлетворенной ходом последней половины столетия своей истории. Таким образом, будущее должно оставаться открытым.

БИОГРАФИЯ

Профессор **Питер Вагнер** родился 18 сентября 1956 г. в г. Лютенбург, Шлезвиг-Гольштейн (ФРГ). Женат на Натали Карагианнис. Имеет двоих детей: Ариадна Лоу (2005 г.р.) и Астерис Стефан (2008 г.р.)

Образование

Habilitation, Sociology, Freie Universität Berlin, 1993
Ph.D., Political science, Freie Universität Berlin, 1989
Diploma, Political science, Freie Universität Berlin, 1982
Studied at the Universities of Hamburg, London (Queen Mary College) and Berlin (Freie Universität), 1977-82

Научно-исследовательская и преподавательская деятельность

Professor of Sociology, Faculty of Sociology, University of Trento, 2006- .
Professor of Social and Political Theory, Department of Political and Social Sciences, European University Institute, Florence, Italy, 1999-2006
Professor of Sociology, Department of Sociology, The University of Warwick, United Kingdom, 1996-2006
Visiting Professor, Department of Sociology and Centre for Social Research (SEFOS), University of Bergen, 2001
Directeur d'Etudes Associé, Centre de recherches allemandes (CERA), Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, Paris (March), 2001
Directeur d'Etudes Associé, Groupe de sociologie politique et morale (GSPM), Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, Paris (November-December), 1998
Visiting Scholar, European University Institute, Florence (Autumn), 1998
Research Associate, International and Area Studies, University of California, Berkeley (Spring), 1997
Visiting Scholar, Center for Studies in Higher Education, University of California, Berkeley (Spring), 1996
Visitor, University of Oxford, Law Faculty (March), 1995
Privatdozent, Faculty of Social Sciences and Philosophy, Freie Universität Berlin, Germany, 1994-
Visiting Research Fellow, Centre national de la recherche scientifique, Paris (April to September), 1994
Lecturer, Sociology (North American Studies), Political science, Freie Universität Berlin, 1993, 1989/90, 1984-86
Fellow, Swedish Collegium for Advanced Study in the Social Sciences, Uppsala, 1992, 1989/90, 1987
Lecturer, Social science, Humboldt-Universität zu Berlin, 1991/92
Member, School of Social Science, Institute for Advanced Study, Princeton, NJ, 1990/91
Senior Research Fellow, President's Office and Research Area 'Technology - Work - Environment', Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, Germany, 1986-95
Research Fellow, Wissenschaftszentrum Berlin, 1983-86

Административная деятельность

Deputy Director, Department of Sociology and Social Research, University of Trento, 2008-

Coordinator, Research Area ‘Sociological Theory’, Department of Sociology and Social Research, University of Trento, 2007-08

Researcher liaison professor, Department of Social and Political Sciences, European University Institute, 2003-06

Co-Director, Social Theory Centre, The University of Warwick, United Kingdom, 1996-2000

Convenor, MA Programme Social and Political Thought, The University of Warwick, United Kingdom, 1996-2000

Consultant, Research Area ‘Technology - Work - Environment’, Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, Germany, 1996

Deputy director, Research Unit ‘Organisation and technology’, Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, Germany, 1993-95

Общественная и редакторская деятельность в научно-исследовательских организациях, институтах, журналах

Excellence Cluster “Kulturelle Grundlagen der Integration”, Universität Konstanz, member of the International Advisory Board, 2007-

Council for European Studies, member of the Executive Committee, 2004-2008

Social science information/Information sur les sciences sociales, member of the international advisory committee, 2003-

Institute for social research, Frankfurt/M, member of the International Advisory Board, 2001-

Theorie und Gesellschaft (book series), Campus Verlag, co-editor, 2001-2006

Genèses, membre du comité international, 1999-

La revue d’histoire des sciences humaines, correspondant international, 1999-

Hannah Arendt-Preis für politisches Denken, member of the jury, 1999-2004

(Warwick and Sussex) Papers in social theory, co-editor, 1998-2001

European Journal of Social Theory, deputy editor, 1998-2007; member of the editorial board since

Thesis Eleven, member of the Editorial Advisory Board, 1997-

Кроме того, Питер Вагнер выступал **рецензентом** для следующих организаций, журналов и издательств: Deutsche Forschungsgemeinschaft, Economic and Social Research Council (UK), Nuffield Foundation, Schweizerischer Nationalfonds, Academy of Finland, Belgian Federal Office for Scientific, Technical and Cultural Affairs, Österreichisches Bundesministerium für Bildung, Wissenschaft und Kultur, American Journal of Sociology, British Journal of Sociology, Sociological Theory, Politique et sociétés, Journal of Political Philosophy, Journal of Social Philosophy, European Political Science Review, European Societies, Millennium, Theory Culture and Society, Cambridge University Press, University of Chicago Press, Polity Press, Sage Publications, Blackwell Publishers, Routledge, Ashgate, University of Helsinki, University of Trento

Публикации

Монографии

готовятся к печати:

Synagonism. A critique of consensual reason (with Nathalie Karagiannis), in preparation, research yet to be completed

The social sciences in a global age. A report on social knowledge, in preparation, to be completed by June 2009 (proposal submitted to Polity Press)

The modernity of Europe. A historico-sociological and politico-philosophical re-assessment (with Bo Stråth), in preparation, manuscript to be completed by autumn 2009
опубликованные:

Modernity as experience and interpretation. A new sociology of modernity, Cambridge: Polity Press, 2008 (German edition: Moderne als Erfahrung und Interpretation. Eine neue Soziologie der Moderne, Konstanz: UVK, May 2009)

A history and theory of the social sciences. Not all that is solid melts into air, London: Sage, 2001

Theorizing modernity. Inescapability and attainability in social theory, London: Sage, 2001 (translation rights acquired for Chinese)

A sociology of modernity. Liberty and discipline London: Routledge, 1994 (reprint 1998; translated into Arabic, French, German, Spanish, Turkish; translation rights acquired for Chinese and Korean)

Der Raum des Gelehrten. Eine Topographie akademischer Praxis (with Heidrun Friese) Berlin: Edition sigma, 1993

Sozialwissenschaften und Staat. Frankreich, Italien, Deutschland 1870-1980 Frankfurt/M: Campus, 1990 (Series 'Theorie und Gesellschaft', vol. 17)

Книги под редакцией

готовятся к печати:

Johann P. Arnason and Kurt Raaflaub eds, The Greek polis and the invention of democracy: a politico-cultural transformation and its interpretations, ed. with Johann P. Arnason and Kurt Raaflaub, Oxford: Blackwell, in preparation

опубликованные:

Varieties of world-making. Beyond globalization (ed. with Nathalie Karagiannis), Liverpool: Liverpool University Press, 2007

The languages of civil society (ed.), Oxford: Berghahn, 2006

The economy as a polity. The political constitution of modern capitalism (ed. with Christian Joerges and Bo Stråth), London: University College London Press, 2005

Transnational intellectual networks. Forms of academic knowledge and the search for cultural identities (ed. with Christophe Charle and Jürgen Schriewer), Frankfurt/M: Campus, 2004 (Spanish translation: Pomares, 2006)

Europa, costituzione e movimenti sociali (ed. with Giuseppe Bronzini, Heidrun Friese, and Antonio Negri), Rome: manifestolibri, 2003

Europa politica. Ragioni di una necessità (ed. with Heidrun Friese and Antonio Negri), Rome: manifestolibri, 2002

Arbeit und Nationalstaat. Französische und deutsche Geschichte in europäischer Perspektive (ed. with Claude Didry and Bénédicte Zimmermann), Frankfurt/M: Campus, 2000 (German edition of Le travail et la nation)

Le travail et la nation. Histoire croisée de la France et de l'Allemagne (ed. with Bénédicte Zimmermann and Claude Didry), Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1999

Discourses on society. The shaping of the social science disciplines (ed. with Björn Wittrock and Richard Whitley) Dordrecht: Kluwer, 1991 (Sociology of the Sciences Yearbook, vol. 15)

Social sciences and modern states. National experiences and theoretical crossroads (ed. with Carol Hirschon Weiss, Björn Wittrock, and Hellmut Wollmann) Cambridge: Cambridge University Press, 1991 (IPSA series 'Advances in Political Science', vol. 9; trans. into Spanish: Ciencias Sociales y Estados Modernos, Fondo de Cultura Economica, 2000)

Section editor (with Björn Wittrock) for 'The disciplines of the sciences of society', in *The History of Humanity*, volume ed. by UNESCO, vol. 7, The Twentieth Century, London: Routledge, 2008

Guest editor, *Thesis Eleven*, no. 68, February 2002, thematic issue on '1968'

Section editor for 'The history of the social and behavioral sciences' in *The International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, ed. by Paul Baltes and Neil Smelser, Oxford: Pergamon, 2001

Symposium editor (with Heidrun Friese and Gerard Delanty) for 'War and social theory. Reflections after Kosovo', in *European Journal of Social Theory*, vol. 4, no. 1, February 2001

Symposium editor for 'Sociology and modernity in the work of Alain Touraine', in *European Journal of Social Theory*, vol. 1, no. 2, November 1998, pp. 163-208

Technological Risk and Political Conflict. Perspectives from West Germany (ed. with Frank Fischer) thematic issue of *Industrial Crisis Quarterly* vol. 4, 1990, no. 3

Питер Вагнер автор более 150 статей (с 1985 г.), опубликованных на английском, немецком, французском, итальянском, испанском и португальском языках.

Избранные статьи

готовятся к публикации:

From interpretation to civilization – and back, *European Journal of Social Theory*, forthcoming 2010.

Multiple trajectories of modernity. Why social theory needs historical sociology: a research agenda, *Thesis Eleven*, no. 100, February 2010, forthcoming

The future of sociology: understanding the transformations of the social, in *The history and development of sociology*, ed. by Charles Crothers, Paris: UNESCO, forthcoming 2009

Roman-European continuities: historical and conceptual questions, in *Transformations of the Roman Empire*, ed. by Johann P. Arnason and Kurt Raaflaub, Leiden: Brill, forthcoming 2009

(with Nathalie Karagiannis) The liberty of the moderns compared to the liberty of the ancients, in Johann P. Arnason, Kurt Raaflaub and Peter Wagner, eds, *The Greek polis and the invention of democracy: a politico-cultural transformation and its interpretations*, in preparation

Le lien social et le lien politique. Les sciences sociales comme philosophie politique empirique, scheduled for publication in Danny Trom et al., eds., *Sociologie morale et politique*, Paris: PUF (Colloques de Cerisy), forthcoming

La modernité comme interprétation et comme expérience. Comment sortir des impasses du comparatisme historico-sociologique? in: Cathérine Colliot-Thélène und Michael Werner, eds, *Un comparatisme à l'échelle globale? Komparatistik auf globalem Niveau?* in preparation.

Europe – what unity? Between political philosophy and historical sociology, in Johann P. Arnason, ed., *The unity and diversity of Europe*, Liverpool: Liverpool University Press, forthcoming 2009

Modernity as experience and as interpretation: towards something like a cultural turn in the sociology of “modern society”, in Peter Hedström and Björn Wittrock, eds, *Frontiers of sociology*, Leiden: Brill, 2009

за последние три года:

(with Nathalie Karagiannis), *The stranger and synagonistic politics*, in Andrew Schaap, ed., *Law and agonistic politics*, London: Ashgate, 2009

Politische Metaphern, in: *Handbuch der politischen Philosophie und Sozialphilosophie*, ed. by Stefan Gosepath, Wilfried Hinsch and Beate Rössler, Berlin: de Gruyter, 2008.

Moderne, Postmoderne, in: *Handbuch der politischen Philosophie und Sozialphilosophie*, ed. by Stefan Gosepath, Wilfried Hinsch and Beate Rössler, Berlin: de Gruyter, 2008.

Does Europe have an identity? In Hans Joas and Klaus Wiegandt, eds, *Europe’s cultural values*, Liverpool: Liverpool University Press, 2008

Freiheit, in Sina Farzin and Stefan Jordan, *Lexikon Soziologie und Sozialtheorie: Hundert Grundbegriffe*, Stuttgart: Reclam, 2008

(with Nathalie Karagiannis) *Varieties of agonism: conflict, the common good and the need for synagonism*, *Journal of Social Philosophy*, vol. 39, no. 3, fall 2008

(with Björn Wittrock) *The disciplines of the sciences of society*, *The History of Humanity*, ed. by UNESCO, vol. 7, *The Twentieth Century*, London: Routledge, 2008, 241-3

Sociology, The History of Humanity, ed. by UNESCO, vol. 7, *The Twentieth Century*, London: Routledge, 2008, 267-72

On wars and revolutions, Cognitive justice in a global world, ed. by Boaventura de Sousa Santos, Lanham, MD: Lexington Books, 2007.

Freedom and solidarity, in Nathalie Karagiannis, ed., *European solidarity*, Liverpool: Liverpool University Press, 2007

Moderne in Zeit und Raum: auch dies ein Versuch, die europäische Erfahrung neu zu denken, in: Thorsten Bonacker and Andreas Reckwitz, Hg., *Kulturen der Moderne. Soziologische Perspektiven der Gegenwart*, Frankfurt/M: Campus, 2007

Un racconto di due modernità, in Maurizio Ricciardi, ed., *L’Occidente sull’Atlantico*, Soveria Mannelli: Rubbettino, 2007.

Reflections on the changing forms of European political modernity, in Hans-Åke Persson and Bo Stråth, eds., *Reflections on Europe. Defining a political order in time and space*, Brussels: PIE Peter Lang, 2007.

Imperial modernism and the European variety of world-making, in: Nathalie Karagiannis and Peter Wagner, eds, *Varieties of world-making: beyond globalization*, Liverpool: Liverpool University Press, 2007.

Public policy, social science, and the state, in Frank Fischer, Gerald J. Miller, and Mara S. Sidney, eds, *Handbook of Public Policy Analysis: Theory, Politics, and Methods*. London: Taylor and Francis, 2007.

на русском языке

Вслед за «Оправданием»: репертуар оценки и социология современности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 112–128. (пер. с англ.: *After Justification. Repertoires of evaluation and the sociology of modernity*, *European Journal of Social Theory*, vol. 2, 1999, no. 3, 341-57.)